

ЛОМАКО Ольга Михайловна –

д. филос. н., доцент; профессор кафедры теоретической и социальной философии философского факультета Саратовского государственного университета им. Н.Г. Чернышевского.

410012, Россия, Саратов, ул. Астраханская, 83

olga-lomako@yandex.ru

ТРАНСФОРМАЦИЯ ВЛАСТИ В БОЛЬШОМ ГОРОДЕ: ГЕНЕАЛОГИЯ И АНАЛИТИКА

TRANSFORMATION OF POWER IN A CITY: GENEALOGY AND ANALYTICS

В статье на основе сравнительно-исторического метода генеалогии анализируется процесс трансформации власти. Рассматривается необходимость поиска истока феномена власти для формирования современного городского пространства коммуникации. При этом исток власти понимается как гетерогенное единство природы и цивилизации. Трансформация власти раскрывается через изменение своего содержательного характера в различных смыслах: символическом, политическом, социальном, психологическом. Речь идет не о возвращении к прошлому, а о выявлении неиспользованных возможностей в организации городского мультикультурного пространства. В статье раскрывается взаимосвязь власти с современным хронотопом большого города через осмысление таких феноменов, как архитектура, скорость, реклама, ландшафт, коммуникация, аффекты, солидарность, цивилизация.

Ключевые слова: власть, трансформация, большой город, генеалогия

On the basis of the comparative historical method of genealogy the process of transformation of power is analyzed in the article. The necessity to find the base of the phenomenon of power for the formation of modern urban space communication is considered. The base of power is understood as a heterogeneous unity of nature and civilization. The transformation of power is revealed through the change of its meaning in different senses: symbolic, political, social, psychological. The discourse is not about return in past, but about revealing unused possibilities in organization the urban multicultural space. The article reveals the interaction of power with the modern chronotope of a city through understanding of such phenomena as architecture, speed, advertising, landscape, communication, affects, solidarity, civilization.

Keywords: power, transformation, city, genealogy, communication

В условиях глобализации, транснациональной интеграции и стремительного роста городского населения особую актуальность обретает проблема власти в большом городе. Современный большой город представляет собой чрезвычайно сложное образование. Наличие мигрантов многократно усугубляет ситуацию, в которой неизбежна конфронтация между различными культурными потоками. Нельзя не признать, что система управления современным большим городом не опирается ни на понятие класса, ни на понятие этноса, что порождает необходимость разработки эффективных властных структур. Надежды на демократизацию, как правило, не оправдываются, поскольку сама по себе демократизация позитивного результата не дает. Она часто носит внешний, формальный характер, тогда как для продолжения культурных традиций города необходимо, прежде

всего, народное участие. Возникает закономерный вопрос: какой должна быть власть, чтобы оживить народную активность для воспроизводства полноценной жизни большого города? Становится все более очевидным, что поиск ответа на данный вопрос следует связывать не только с будущим, но и с прошлым, когда место обитания человека удовлетворяло потребности его проживания и выживания. В методологическом плане это означает, что анализ процесса трансформации власти должен начинаться с генеалогической процедуры, а именно с выявления истоков феномена власти как конституирующего начала организации социального пространства города.

Первоначально город – замкнутое, огороженное пространство, территория, отделенная от дикой природы стеной, обеспечивающей защиту от хищников и врагов. Строительство городов – признак

цивилизации и в то же время продолжение архаической традиции, актуализация природных первосмыслов: жизнь-смерть, космос-хаос через создание защищенного пространства, которому присваивался статус священного, обладающего центром и периферией. Это некое строго центрированное силовое поле, находясь в котором человек ощущал свою силу и защищенность. В дисциплинарном пространстве архаического ритуала власть центра выполняла функцию организатора иерархической структуры бытия на границе двух бинарных порядков — природного и социального, иррационального и рационального, телесного и духовного.

Возникновение греческого города-государства (полиса) означало рождение принципиально нового социального пространства. Отличительной особенностью его была ориентация на центр в его новой трактовке: власть и господство не располагаются более в иерархической структуре, на вершине космической и социальной лестницы, а помещены в центр человеческой группы. Единовластие (монархия) признается «болезнью», и лишь симметрично построенное общество считается «здоровым» [Вернан 1988: 151]. Относительно центра все индивиды и группы занимают равное положение. Политическим символом центра становится общий очаг, установленный на городской площади и связанный с многочисленными домашними очагами. Он представляет все семьи, не отождествляясь ни с одной из них. Политическое, геометрическое и физическое значение центра как фиксированной точки, вокруг которой упорядочивается пространство, заключалось в симметричности и обратимости отношений в обществе и природе [Ломако 2003: 159].

Суть сравнительно-исторического метода генеалогии заключается в признании гетерогенности как наличия двойственности (или даже множественности) начала (истока) любого явления. Истоком власти в античном полисе является гетерогенное единство природы и цивилизации. Такова генеалогия города — социальное/городское дает новое рождение природному, устанавливая свой порядок — порядок цивилизации. Разум, свобода и закон становятся высшими ценностями эллинов, инициируя народную активность.

Древнегреческий полис — школа гражданской солидарности. Каждый грек с дет-

ства чувствовал в себе страстное желание служить на благо родного города. Богам своего города он посвящал венки, которые доставались ему как победителю; лишь о благе родного города думал юноша, когда он состязался в пении, бегах или метании [Nietzsche 1988: 789].

Другой моделью города являлся Древний Рим. Именно римлян считают по праву учителями современного градостроительства. Обязательным элементом римского стиля являются крестообразные улицы в соответствии с направлениями частей света — квадранты. Осевая крестообразная система улиц имела сакральный характер и воспроизводилась в каждом городе как знак имперской власти. В известной работе О.Ф. Больнова «Человек и пространство» встречается интересное наблюдение: именно улицы, гораздо в большей степени, чем жилища, свидетельствуют о различии человека и животного. Животные тоже способны обустроить жилье — норы, гнезда, но только человек создает пространственный социальный порядок — планомерную систему улиц. Рим — это единство визуального порядка и императорской власти. Эффективность власти императора во многом зависела от того, насколько удастся сделать его власть зримой в памятниках и общественных строениях. Именно римляне осознают принципиальную особенность градостроительства: создание широких мощеных улиц, которое требует больших усилий и может проводиться только под управлением государства. Эти улицы вызваны к жизни мощной системой власти, тогда как сельские улицы могут рождаться сами по себе. Улицы являлись инструментом укрепления государственной власти, обеспечивая не только порядок и структуру, но надежное и эффективное управление всей империей. Очевидна внутренняя связь между планомерным строительством городских улиц и сильной централизованной властью римского государства [Bollnow 1963: 108].

В Древней Греции природный инстинкт становится инстинктом социальным и воплощается в тождестве индивида и полиса, в единстве храма, дома и города. Современному человеку трудно представить значимость и масштабность той титанической работы, которую проделали древние греки, утверждая власть политического и социального закона над природ-

ным и инстинктивным. Античный аскезис означал, прежде всего, умение управлять собой, власть над собственными инстинктами и желаниями.

Рост городов и трансформация власти сопровождаются трансформацией аффектов в процессе цивилизации. Средневековый город — гетерогенное пространство замка, храма и рынка. Отношения между ними были сложными и противоречивыми: если храм культивировал сострадание и единение, то рынок формировал индивида, конкурирующего с другими. Однако возникающие в рамках города разнородные силы вынуждены были находить формы совместного сосуществования.

Дифференциация и усложнение сетей зависимости приводили к необходимости более сложных и формальных структур управления и власти. Для городов характерно наличие органов самоуправления — городских советов, что в целом приводило к усложнению форм повседневной жизни. В средневековом обществе отсутствует центральная власть, достаточно сильная, чтобы принуждать людей к сдержанности. Там, где эта власть начинает расти и люди на больших или меньших территориях оказываются вынужденными жить в мире, постепенно меняются и моделирование аффектов, и стандарт организации влечений. Когда монополия на физическое насилие переходит в руки центральной власти, далеко не все могут открыто проявлять свою агрессивность, но лишь те, кто наделен легитимной силой. Однако, становясь легитимными, аффекты занимают четко обозначенное место в повседневной жизни цивилизованного общества. Получив рационализированную форму и социально приемлемое выражение в спорте, оказывая влияние на развитие книгоиздания и театрального искусства, аффекты обретают решающее значение для растущей роли кино и телевидения в нашем мире. По сути, происходит перенесение аффектов из сферы активного действия в область созерцания, что в общем сопровождается гуманизацией аффектов и желаний [Элиас 2001: 281, 283].

Следующим этапом трансформации власти является городское пространство Нового времени, которое инициирует развитие автономного индивида и технического инстинкта. Постепенно техника все больше вытесняет человека.

Десакрализация городского пространства порождает новую форму времени — время/скорость, которая выражается через свои знаки господства над человеком. О.Ф. Больнов определяет два основных принципа строительства улиц: планирование и господство, которым подчиняются не только люди, но и ландшафт. В государствах с сильной централизованной властью сохраняется власть центра над периферией: улицы расходятся лучами от центра власти. Во Франции так расположены не только улицы, но и железные дороги. Власть центра настолько сильна, что из одного периферийного места в другое проще добраться через центр. В Германии сложилась другая планировка, можно условно назвать ее «органической»: центр отсутствует, улицы расположены как сосуды листа растения, от больших улиц ответвляются улицы поменьше, а от них еще меньше.

Пространство современного города все больше становится безличным и нейтральным, поскольку это уже не личное пространство человека, а нейтральное пространство транспорта. Улица — это преимущество лишь одного измерения пространства — длины, поэтому особую важность обретают измерения в километрах, на перекрестках появляются указатели направлений и расстояний. Пространство трансформируется во время/скорость, которое превращается в самоцель и обретает все большую власть над человеком [Bollnow 1963: 109]. Но это противоестественно, пространство не может быть только длиной, тем более оно не может быть только временем/скоростью. Власть скорости в большом городе оборачивается властью покоя, инертности и обособленности — стояния/состояния в дорожных пробках.

Изменение географии и топографии города благодаря скорости передвижения, изменение жилища в соответствии с принципом комфортности стали условиями реализации индивидуализма в эпоху Модерна. Но решение этой проблемы тут же породило другую проблему — одиночество и неукорененность. Если старое место понималось как ойкумена, где прививалось чувство солидарности и взаимопонимания, то современное городское жилище больше всего напоминает обитаемый остров для изолированного индивида.

И все же в современных городах существуют невидимые формы порядка и власти, которые обеспечивают его единство и стабильность. Так, например, важной коммуникативной структурой, связывающей индивидов в общественное целое, является реклама. Власть рекламы обеспечивается через детерминацию человека общественным целым. Она воспринимается (на бессознательном уровне) как новая защищенность и дар, как символ заботы со стороны общества, которая, впрочем, не может стать ни внутренней, ни душевной [Марков 2011: 385, 398]. Однако эта защищенность вовсе не означает приобщение к совместному бытию. Разрыв социальных, моральных и политических связей не может быть преодолен через поверхностные формы коммуникации и внешние структуры власти.

Применение сравнительно-исторического метода генеалогии к анализу исторической трансформации власти в рамках городского пространства позволяет сделать вывод о том, что анализ данной проблематики должен осуществ-

ляться через понимание города в контексте общецивилизационного процесса, через исследование становления городского пространства и городского времени в их отношении к структурам власти. Актуализация этой проблематики происходит через специфический язык знаков, каковым является архитектура. Различные формы власти и архитектурные стили организации городского пространства взаимно детерминированы. Более того, за связью власти и языка знаков, выражающегося в архитектуре, скрыты более глубокие отношения – власть и желания, власть и аффекты, власть и защищенность, власть и сила, которые также подвергаются трансформации в пространстве мегаполиса. Думается, в мультикультурном пространстве большого города власть должна пониматься как медиум, обеспечивающий сохранение границы между природой и цивилизацией в единстве внутреннего и внешнего, причем эта граница – знаковое место не только разделения и различения, но также соединения и взаимопонимания.

Литература

- Вернан Ж.-П. 1988. *Происхождение древнегреческой мысли*. М.: Прогресс, 224 с.
- Ломако О.М. 2003 – *Генеалогия воспитания: философско-педагогическая антропология*. СПб.: Изд-во СПбГУ, 264 с.
- Марков Б.В. 2011. *Люди и знаки: антропология межличностной коммуникации*. СПб.: Наука, 667 с.
- Элиас Н. 2001. *О процессе цивилизации. Социогенетические и психогенетические исследования*. Т. 1. Изменение в поведении высшего слоя мирян в странах Запада. М.; СПб., 336 с.
- Bollnow O.F. 1963. *Mensch und Raum*. Stuttgart.
- Nietzsche F. 1988. *Homer's Wettkampf. Fünf Vorreden zu fünf ungeschriebenen Büchern*. Sämtliche Werke. Kritische Studienausgabe in 15 Einzelbänden (KSA). Bd 1. Berlin; New York.